

УДК 342.56(479.24)

С.Н. Тапдыгов,
диссертант Института философии и права
Национальной академии наук Азербайджана

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕСТА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ПО КОНСТИТУЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В данной статье обсуждаются вопросы взаимодействия судебной власти с иными ветвями власти в системе разделения властей. Рассматриваются критерии судебной власти, по которым в юридической науке судебную власть отличают от других ветвей власти. Анализируются механизмы воздействия судебной власти на другие ветви власти, содержащиеся в законодательстве Азербайджанской Республики, а также в международной практике.

Ключевые слова: разделение властей, судебная власть, правосудие, сущность судебной власти, судебная система.

У статті обговорюються питання взаємодії судової влади з іншими гілками влади в системі поділу влади. Розглядаються критерії судової влади, за якими в юридичній науці судову владу відрізняють від інших гілок влади. Аналізуються механізми впливу судової влади на інші гілки влади, що містяться в законодавстві Азербайджанської Республіки, а також у міжнародній практиці.

Ключові слова: поділ влади, судова влада, правосуддя, сутність судової влади, судова система.

Paper discusses the interactions of the judiciary power and other branches of state power within the system of power separation. It reviews the legal criteria distinguishing the judicial and other branches of power, and considers the influence mechanisms of the judicial power on other branches of state power in accordance with legislation of the Republic of Azerbaijan and international practice.

Keywords: separation of powers, judiciary power, justice, essence of judiciary power, court system.

Впервые в Азербайджанской Республике принцип разделения властей получил свое официальное признание в Конституционном Акте “О Государственной независимости Азербайджанской Республики” от 18 октября 1991 года. В дальнейшем он получил свое развитие в Конституции Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года.

В части III статьи 7-ой Конституции Азербайджанской Республики говорится, что: “Государственная власть в Азербайджанской Республике организуется на основе принципа разделения властей:

– законодательную власть осуществляет Милли Меджлис Азербайджанской Республики;

– исполнительная власть принадлежит Президенту Азербайджанской Республики;

– судебную власть осуществляют суды Азербайджанской Республики”. Там же в части IV говорится, что законодательная, исполнительная и судебная власти

взаимодействуют в соответствии с положениями Конституции и независимы в рамках своих полномочий. Принцип разделение властей невозможно рассматривать в качестве чисто технического приема, обеспечивающего деловую организацию труда.

Идею разделения властей на три различные ветви нельзя понимать упрощенно, поскольку, в принципе, государственная власть едина. Она едина, прежде всего, по своему источнику. Единственным источником власти в Азербайджанской Республике является азербайджанский народ (ч. 1 ст. 1 Конституции Азербайджанской Республики).

Согласно статье 1 Конституции АР в Азербайджанской Республике единственным источником власти является народ. В статье 5 Конституции говорится, что народ Азербайджана един.

Согласно же части III и IV статьи 7 Конституции Азербайджанской Республики единство и неделимость народа как источника государственной власти позволяет рассматривать указанные ветви власти, как самостоятельные и действующие независимо друг от друга. “Государственная власть едина, но функции – законодательство, управление и правосудие – осуществляются различными органами” [9, с. 95]. Это способствует наиболее рациональному осуществлению суверенитета народа, в результате чего общая воля суверенного народа не расщепляется, а соответствующим образом организуется для ее наиболее полного воплощения в процессе осуществления государственной власти”.

Сама концепция разделения властей динамична. По мнению В.Е. Чиркина, “с течением времени концепция разделения властей стала подвергаться модификациям”, в силу чего “создатели некоторых конституций стали полагать, что выделение трех ветвей власти не полностью отражает существующие реалии”. В.Е. Чиркин ссылается на конституционную доктрину стран Латинской Америки, которая предусматривает существование избирательной власти (Конституции Никарагуа, Колумбии и др.), учредительной власти (Конституция Кубы). В Конституции Египта говорится об информационной власти, а также о контрольной власти и т.п. Именно эти власти, по мнению Чиркина, не вписываются в обычную триаду властей. Он также отмечает, что в настоящее время “теория разделения властей получила <...> еще одно новое дополнение: тезис о необходимости взаимодействия ветвей властей <...> Теоретически это требование вытекает из необходимости общего направления государственной политики, единого содержания ее принципов. Невозможно представить такую деятельность государства нормальной, когда его органы выступают с совершенно различных принципиальных позиций” [8, с. 246–257].

Указанное нашло свое воплощение в части 4-ой статьи 7 Конституции АР, где говорится, что законодательная, исполнительная и судебная власти взаимодействуют в соответствии с положениями Конституции и независимы в рамках своих полномочий.

Удачным законодательным воплощением “обновленного” содержания принципа разделения властей В.Е. Чиркин считает Конституции Казахстана, Азербайджана, Молдовы и Белоруссии, которые в той или иной форме закрепляют принцип взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной властей. С его точки зрения, единство “органически вытекает из самой природы государственной власти, которая не может быть ни социально, ни юридически разделена на разные куски” [8, с. 259].

Хотя многие юристы указывают на необходимость разделения властей для построения правового государства, некоторые авторы оспаривают данную идею.

Принцип разделения властей подвергается и куда более жесткой критике. Так, В.С. Ефимочкин считает, что идея разделения властей изначально носит разрушительный характер, поскольку она при возникновении была направлена против существующей власти, а новым правящим классам она по существу мешает. Нет и не может быть трех властей. Власть одна, она принадлежит народу. Таким образом, более чем через два столетия повторяется формула Руссо, и, следовательно, продолжается дискуссия по поводу принципа разделения властей. В связи с этим возникает необходимость еще раз вернуться к вопросу о единстве государственной власти и неделимости (делимости) ее суверенитета (источника), поскольку, не определив позиции по этому вопросу, невозможно перейти к рассмотрению сущности судебной власти и ее роли в функционировании государственно организованного общества.

Монтескье пишет, что в каждой власти есть свой источник: у законодательной – “благородные” и “представители народа”; у исполнительной – монарх. Судебная же власть должна быть поручена “лицам, которые в известные времена года, по указанному в законе способу, берутся из народа, для образования суда, продолжительность действия которого определяется требованиями необходимости” [3, с. 158].

Таким образом, по выражению И.Я. Фойницкого, “верховой власти как объединяющей, как коренного ствола, из которого развиваются отдельные государственные власти, она (теория Монтескье) не знала” [7, с. 146]. И действительно, само слово “ветвь” предполагает наличие ствола, в данном случае некой “верховой” власти. Такая верховная власть во времена Фойницкого олицетворялась монархом. В советские же времена ствол “укрепился” до такой степени, что не оставил места даже для декларативного признания наличия в него каких-либо ветвей.

В силу этого исчезла и проблема, разрешению которой был призван служить принцип разделения властей: предотвращение произвола государственной власти. Поэтому осталось говорить только о разделении функций между различными государственными органами, что вполне соответствовало признаваемому догмой марксизма-ленинизма принципу разделения труда.

При таком подходе исчез даже сам термин “судебная власть”, а предметом анализа стала лишь функция правосудия, т.е. рассмотрение судом в установленном процессуальными законами порядке уголовных и гражданских дел. Правосудие, в свою очередь, было лишь одной из многочисленных государственных функций.

Проблема взаимодействия, взаимодополнения властей крайне важна, но для становления судебной власти и осмысления ее особой роли в конституционном государстве необходимо было сосредоточить внимание именно на обособленности, самостоятельности и независимости этого вида государственной власти, т.е. надо было как в научном, так и в практическом плане, прежде всего, решить те задачи, которые не были и не могли быть решены при административно-командной системе управления обществом. Что и смогла решить действующая Конституция Азербайджанской Республики.

Как видно из Преамбулы Конституции Азербайджанской Республики, одной из основных целей ее принятия азербайджанским народом является построение правового государства, обеспечивающее верховенство законов. Однако для того, чтобы обеспечить господство права, связать государственную власть правом, необходимо осуществить соответствующую этой идее организацию механизма государственной власти.

Реальное достижение цели правового государства – защита прав и интересов граждан – возможно лишь в случае создания и юридического обеспечения

независимых, “равновесных”, взаимодействующих законотворческих, исполнительных и судебных органов государственной власти [6, с. 5].

Дело в том, что на эмпирическом уровне в государственно-организованном обществе судебная власть предстает в виде системы органов, ее осуществляющих, в частности, разрешающих юридически значимые споры (т.е. споры, которые могут быть разрешены на основе государственно-признаваемых правил) и официально санкционирующих возможность применения государственного принуждения.

Такого рода органы существовали и существуют в любой из форм организации государственной власти. Поэтому само по себе наличие судов, а также тех или иных правил разрешения возникающих в обществе конфликтов еще не свидетельствует о наличии феномена судебной власти. Следовательно, система судебных органов и судебная власть – понятия не тождественные [4, с. 198].

Наличие системы судебных органов не является свидетельством существования в данном государстве независимой судебной власти, невзирая на то, что судебная власть не возможна без органов судебной системы. Первостепенное и совершенно самостоятельное значение в обеспечении законности, справедливости и свободы придавали суду создатели теории разделения властей, при условии, что судебная власть не будет зависеть от других властей. Исходя из этого, можно утверждать, что самостоятельность и независимость судебной власти нужна для обеспечения реальной возможности ограничения произвола других ветвей власти и защиты прав и свобод как отдельных граждан, так и их объединений и общества в целом, а не для того, чтобы стать неконтролируемой и неуправляемой ветвью власти и ни в коем случае, не для самоутверждения судебного корпуса и его элитности.

Как отмечает французский профессор Ж. Шевалье, конструкция “правового государства” чрезвычайно сложна и дает гамму контрастирующих измерений. С одной стороны, “право апеллирует к государству, когда необходимо определить конечные цели правового вмешательства (например, цели правосудия), или его способ (процессуальные формы), или силу нормативного воздействия (характер принудительных санкций) <...> с другой стороны, наоборот, государство апеллирует к праву не только потому, что мощь государства выражается в совокупном действии обязательных для исполнения всеми гражданами правовых норм, но и потому, что государство целиком связано правом, его институты облачены в правовую оболочку, так что фактор юридикации выступает в качестве отличительной черты государства как формы политической организации общества” [10, с. 216].

Как уже было отмечено, простое разделение власти на три независимые ветви не является достаточным основанием для полного и реального претворения в жизнь принципа разделения властей, для этого также необходимо четко определить полномочия и принципы взаимодействия этих ветвей власти, в чем особую роль играет система сдержек и противовесов.

Система сдержек и противовесов по своему содержанию придает определенную динамику принципу разделения властей, которая и позволяет в случае необходимости для сохранения стабильности и демократических основ государственного устройства изменять баланс сил. Задача системы сдержек и противовесов – создание условий для функционирования государства, которое может быть признано правовым. В этом смысле уместно рассмотреть и проанализировать вопрос отличия ветви государственной власти от системы органов государства, осуществляющих определенные государственно-властные функции и имеющих самостоятельную сферу деятельности, а также определить принципы и основы взаимоотношения судебной власти с другими ветвями власти и его место в этой системе.

При простом провозглашении независимости судей и подчинения их только закону, самостоятельность судебной власти окажется фиктивной, если создание необходимых условий для функционирования судебной системы будет зависеть от усмотрения того или иного органа исполнительной власти.

Трансформация судебной системы в судебную власть предполагает наличие условий относительно автономного ее функционирования. Это означает, что осуществление обеспечивающих функций (материально-технической, кадровой, информационно-аналитической и т.п.) должна происходить под руководством высших органов судебной власти.

Исходя из того, что вопрос финансирования судебной системы определяется бюджетом, который утверждается законодательной властью, речь здесь, разумеется, идет об относительной автономии реализации судебной властью обеспечивающих функций. Кроме того, некоторые из обеспечивающих функций могут быть переданы органам исполнительной власти. Защита судебной власти от посягательства на сферу ее полномочий обусловлена многими факторами, в том числе, уровнем общественного мнения, характера профессионального правосознания и степенью самоорганизации судейского сообщества.

Судебная власть становится сильнее при осознании своего особого места в функционировании государственного организма, предполагающего беспристрастность и моральную ответственность за принимаемые решения, независимость юридически значимых суждений.

Необходимость государственного устройства, которое сводило бы к минимуму опасность произвола тирании, должно быть признано как идеологическая, теоретическая и юридическая предпосылка осуществления судебной власти. При этом устройство, при котором законодатель, отражая волю большинства, принимает законы, исполнительная власть полно и неуклонно претворяет эти законы в жизнь, а суды разрешают конфликты, строго следуя этим предписаниям законодателя, считалось упрощенным идеалом подобного устройства власти. Антитезой тирании является свобода. Если Монтескье считал свободой “делать все, что дозволено законами”, то спустя не менее века Бенжамен Констан говорит, что этот тезис “не объясняет нам того, что именно законы вправе позволять и чего они не имеют права воспрещать. А между тем в этом-то и состоит свобода. Она есть не что иное, как то, что человек имеет право делать и чего закон не имеет права ему запрещать” [2, с. 155].

Исходя из того, что судебная власть не существует изолировано от других властей, ее автономность, безусловно, может быть только относительной, потому что перечень и круг конфликтов, разрешаемых судом, определяется именно законом (т.е. решениями законодательной власти), а реализация судебных решений зависит от действий органов исполнительной власти. Это обстоятельство побуждает искать критерий, отличающий сущность судебной власти от простого функционирования судебной системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журнал российского права. – 1997. – № 8. – С. 275.
2. *Констан Б.П.* Курс конституционной политики / Б.П. Констан. – Т.1. – М.: Проспект, 1996. – 335 с.
3. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – СПб., 1900.
4. *Петрухин И.Л.* Судебная власть / И.Л. Петрухин. – М.: Проспект, 2003. – 720 с.
5. *Ржевский В.А.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности / В.А. Ржевский, Н.М. Чепурнова. – М.: Юрист, 1998. – 216 с.
6. *Рустамов Х.У.* Судебная власть / Х.У. Рустамов, А.С. Безнасюк. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 246 с.

7. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. –Т. 1. – СПб. : Альфа, 1996. – 607 с.
8. *Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт / В.Е. Чиркин. – М. : БЕК, Зерцало, 2002. – 590 с.
9. *Эбзеев Б.С.* Конституция правовое государство. Конституционный суд / Б.С. Эбзеев. – М. : Проспект, 1997. – 210 с.
10. *Chevalier J.* l'Etat de droit / J. Chevalier // Revue de droit public. – 1988. – № 2.

Отримано 19.06.2015